

То, что уже готово было сорваться с языка, застряло в горле, а движение, с которым он собирался поклониться, замерло. Вэй Цин в растерянности смотрел, как Лю Че схватил его за плечи. Цюй Бин поднял голову, с недоумением взглянул на обоих, а затем вдруг хлопнул Лю Че по животу и громко крикнул:

— Эй!

Лю Че опустил взгляд и увидел, как мальчишка, сверкая глазами и скаля зубы, выпалил:

— Какая ещё казнь! У нас в доме больше нет кур! И денег тоже нет, проваливай отсюда немедленно!

Вэй Цин перепугался до смерти и поспешно оттащил его за спину. Лю Че, однако, рассмеялся — надо же, какой спесивый мальчишка. В этом ребенке чувствовались отголоски Вэй Цина тех лет, но характер — небо и земля. И хотя та мегера его раздражала, дерзость этого ребенка казалась удивительно милой. Взглянув снова на Вэй Цина, он отметил, что даже в грубой, простой одежде тот не выглядит деревенщиной, а, напротив, кажется свежим и приятным глазу. Гнев Лю Че разом поух.

Вэй Шаоэр, даже не обернувшись, проговорила:

— Этот господин ждал тебя уже давно, сказал, что нужно обсудить государственные дела.

— Именно так, государственные дела, — улыбнулся Лю Че. Он взял деревянный таз, небрежно бросил его на землю, схватил Вэй Цина и потащил за собой. Выйдя за ворота, Лю Че вскочил в седло, подхватил Вэй Цина, усадил перед собой и, прищиприв коня, умчался прочь. Вэй Шаоэр, поняв, что что-то не так, выбежала следом, но они уже скрылись из виду.

Брошенный на пол, Вэй Цин, не обращая внимания на боль, тут же принял правильную позу и распростерся ниц. Лю Че присел перед ним, помахал обрывком рукава и произнес:

— Чтобы сохранить мой чудесный сон, ты, верно, предпочел отрезать рукав. Только сегодня я понял, что ты заботаешься обо мне вот до такой степени.

Зная, что Вэй Цин провернул этот трюк с «цикадой, сбрасывающей панцирь», он нарочно дразнил его, наслаждаясь тем, как бледнеет его лицо. Затем, резко сменив тон, он грубо ухватил его за подбородок и серьезно добавил:

— Запомни: раз я велел тебе прийти — ты должен быть здесь, я не разрешал тебе уходить — не смей двигаться с места, и пока я не встал, ты тоже не смеешь вставать!

Вэй Цин, изрядно перепугавшись, невольно съезжился. Нахмурившись, он ответил:

— ...Будет исполнено.

А разве мог он ответить что-то иное?

Лю Че снова взмахнул отрезанным рукавом и строго добавил:

— И еще: если еще раз попытаешься провернуть этот фокус, я велю обыскать тебя с ног до головы! Мечи, ножи — всё изыщем, чтобы не было лишних хлопот.

Вэй Цин опустил голову и ответил:

— Слушаюсь...

В этот миг он даже пожалел, что позволил Лю Че вернуться в свое истинное обличье. Перед ним была уже не жалкая бездомная собака, а сытый, вымытый и снова начавший показывать зубы волкодав.

Лю Че остался доволен и с усмешкой сказал:

— Одними словами не обойдемся, я хочу увидеть твои действия.

Он потянул его к кровати и принялся расстегивать его грубую верхнюю одежду. Лю Че ощупывал его со всех сторон — от головы до пят и обратно, пока на том оставалось только нижнее белье. Вэй Цин был в ужасе, но боялся пошевелиться. Лю Че закончил осмотр, удовлетворенно кивнул и произнес:

— Недурно. Похоже, сейчас при тебе нет никакого оружия.

Вэй Цин про себя отметил, что пронесло: хорошо, что дома он переоделся и всё при себе спрятал, а не то, попадись эта вещь на глаза Лю Че, больше её не видать.

Лю Че толкнул его на край кровати, приказал сесть, а затем велел забираться под одеяло. Вэй Цин послушно исполнил приказ и забился в угол. Лю Че натянул на него одеяло, плотно подвернул его под подбородком, отошел и довольно улыбнулся. Вэй Цин, не понимая, что происходит, смотрел на него широко открытыми глазами.

Лю Че хлопнул в ладоши:

— Вот так и сиди, не смей шевелиться. Вернусь — если будешь послушным, поверю тебе.

С этими словами он расхохотался и вышел из зала.

Когда вошли слуги, чтобы навести порядок, они неизбежно наткнулись взглядом на Вэй Цина. Хотя они тотчас отвели глаза и сохраняли невозмутимый вид, словно ничего не видели, Вэй Цин чувствовал себя как на иголках.

Время шло, били барабаны, а Лю Че всё не возвращался. Веки Вэй Цина начали слипаться.

Его одолевала сильная усталость — последние дни он совсем не мог как следует выспаться. Вдруг он вздрогнул и проснулся: неясно, сколько часов прошло с тех пор, как он закрыл глаза, но вокруг по-прежнему никого не было. Вэй Цин немного успокоился и снова уснул.

Внезапно ноги обожгло холодом, и Вэй Цин вздрогнул, окончательно придя в себя. Открыв глаза, он увидел, что Лю Че, уже сняв верхнюю одежду, забирается под одеяло. Осень была в разгаре, холод стоял лютый, а ночь давно перевалила за полночь. Весь озябший, Лю Че залез под одеяло и обнял Вэй Цина. Он прижался к нему так крепко, что, казалось, пытался выжать из него всё тепло до последней капли.

Ледяная рука скользнула под одежду и коснулась живота Вэй Цина. Тот весь напрягся, но услышал голос Лю Че:

— Ты проголодался?

— Я не голоден, — ответил Вэй Цин, удивляясь, почему Лю Че вдруг заговорил об этом.

— Врешь. Есть поговорка: голодный живот впалый. У тебя живот впал, как же ты не голоден?

Лю Че немедленно позвал слуг и велел принести ночное угощение. Вэй Цин улыбнулся:

— Если я лежу на спине, живот естественным образом впадает. Даже если Ваше Величество ляжет, живот тоже будет впалым. Только толстяки, растолстевшие от сытой жизни, могут выпячивать пузо, даже лежа.

Лю Че лег на спину, пощупал свой живот — действительно, немного впал, — но упрямо настоял на своем:

— Пусть впалый, но после такой ночи работы я действительно проголодался.

Он сел и добавил:

— Не верю, что ты не голоден. Если только ты не перекусил украдкой, пока меня не было, — за это полагается наказание.

— Я не смею, — ответил Вэй Цин, и в тот же миг в его животе громко заурчало. Лицо Вэй Цина мгновенно побелело, а Лю Че расхохотался.

Когда принесли закуски, Лю Че сунул ему в руки лепешку:

— Ешь! Это мой приказ: даже если не лезет, всё равно ешь.

Вэй Цин был вынужден подчиниться. Есть не хотелось, но выбора не было, поэтому он опустил голову и принялся неловко жевать. Лю Че наблюдал за ним и смеялся, а затем протянул миску с просяной кашей и заставил доест. Непонятно почему, но вид крайне смущенного Вэй Цина доставлял ему огромное удовольствие.

После ночного перекуса Лю Че, обняв его, снова лег. Они проспали до самого рассвета.

Когда Лю Че встал, чтобы одеться, Вэй Цин всё еще крепко спал. Лю Че смотрел на него с усмешкой: он знал, что Вэй Цин нервничает, поэтому специально прижимал его к себе всё крепче и ворочался, пока тот, не выдержав, не провалился в сон под утро. Но было так тепло — гораздо приятнее, чем обнимать любую грелку.

Лю Че подозвал личного евнуха, тихо отдал ему распоряжение и только потом вышел из дворца, чтобы сесть в паланкин.

Когда солнце уже высоко поднялось, Вэй Цин резко открыл глаза и сел. Оглядевшись и поняв, что Лю Че давно ушел, он поспешно вскочил, разыскивая свою одежду. Перед ним положили стопку совершенно новых халатов.

— Халаты господина пришли в негодность, — произнес евнух, — это полное облачение нового чиновника, дарованное Императором.

Слуги подошли, чтобы помочь ему одеться, и их странные, призрачные взгляды то и дело скользили по нему. Вэй Цин понимал, что у них на уме. Он нахмурился, но тут же расслабился, двумя руками принял головной убор, медленно и торжественно надел его и завязал ленты. Тот, кто чист, останется чист, тот, кто грязен, — грязен; оправдываться бесполезно. Чистый — праведен, а грязный уже осквернен, тем более нет смысла спорить.

Единственное, что утешало Вэй Цина, — Лю Че на самом деле не сделал того, что вообразили

себе дворцовые слуги. Ему и самому не хотелось верить, что, пока тело Хань Яня еще не остыло, Лю Че мог так быстро обо всем забыть.

После полудня Лю Че вернулся во дворец, пообедал и приказал приготовить колесницу, одновременно вызвав к себе Вэй Цина. Вэй Цин помог ему сесть, а сам поехал следом верхом, не зная, куда они направляются, просто следуя за кортежем.

Выехав за пределы дворцовых стен, они некоторое время ехали мимо роскошных особняков за высокими заборами. Вэй Цин узнал этот район, где селились высшие сановники и знатные роды, и подумал, что Лю Че, едва поправившись и вернувшись к государственным делам, решил нанести визиты. Наконец, они остановились перед огромным поместьем. Вэй Цин удивился: это был дом семьи Вэй, который недавно был конфискован, а хозяева изгнаны. Здесь давно никого не было, так почему ворота открыты? И что Лю Че здесь забыл?

В момент его замешательства из ворот выбежал мальчик. Увидев Вэй Цина, он закричал:

— Дядюшка!

Это был Цюй Бин. Он подбежал и обхватил Вэй Цина за ногу.

Лю Че вышел из колесницы, Вэй Цин спешился. Цюй Бин опередил его:

— Сегодня утром пришло много людей, привезли меня, матушку и младшего брата сюда. Сказали, что это дом, который Император подарил дядюшке, и теперь это наш новый дом. Внутри еще столько всего красивого! Сказали, всё это дары Императора.

Вэй Цин с изумлением взглянул на Лю Че, но тот лишь улыбнулся и, ничего не ответив, направился в дом, знаками призывая Вэй Цина следовать за собой. Вэй Цин, держа за руку Цюй Бина, вошел внутрь.

Слуги и служанки выстроились вдоль дорожки в два ряда и пали ниц. Лю Че, проходя мимо, указал на них:

— Отныне они твои домашние рабы, распоряжайся ими как хочешь.

Вэй Цин побледнел. Столько людей... сколько же денег уйдет на их содержание? Нужно будет отпустить их, но это дар Императора, просто так не уволишь, да и нельзя обижать.

Лю Че краем глаза заметил его состояние и догадался, о чем тот думает, тихо усмехнувшись. Он остановился и позвал:

— Жуйюй!

Молодая девушка вышла из строя, склонилась в поклоне. Лю Че произнес:

— Ты грамотна и умеешь считать, отныне будешь вести домашние дела господина Вэя.

Девушка ответила согласием. Лю Че повернулся к Вэй Цину:

— Знакомься, её зовут Чжэн Жуйюй, теперь она будет твоей управляющей. Если что-то будет делать не так, доложишь мне.

Они обменялись приветствиями, Жуйюй вернулась в строй, и Лю Че повел Вэй Цина дальше. В

главном зале Вэй Шаоэр, увидев Лю Че, в ужасе упала на колени — даже при всей своей недалёкости она наконец узнала его. Правда, когда она заходила во дворец навестить Вэй Цзыфу, видела его лишь мельком, от страха не смея поднять головы. А в тот день на Лю Че была простая одежда, и она никак не могла сопоставить эти два образа.

Вэй Цин стоял рядом. Лю Че сел на почетное место и со смехом заметил:

— У сестрицы острый язык.

Вэй Шаоэр покраснела от стыда. Конечно, прежде чем отправить людей с дарами, Лю Че уже разузнал всё, что было нужно — и то, что помнил, и то, о чем забыл.

Лю Че продолжил:

— Впредь прошу сестрицу и дальше строго следить за воспитанием Вэй Цина. Я возлагаю на тебя императорское поручение: всех, кто придет просить помощи, внимательно проверять. Если это мошенники — неважно, кто они, гони их прочь. Если же человек действительно попал в беду, постарайся вразумить Вэй Цина действовать по средствам. Расходы на хозяйство тоже под твоим присмотром. Сможет ли Вэй Цин избавиться от этой дурной привычки — вся надежда на тебя.

Вэй Шаоэр пообещала исполнить. Лю Че кивнул, встал и обратился к Вэй Цину:

— Вэй Цин, должно быть, ты недоумеваешь, почему я вдруг одарил тебя поместьем и слугами.

Вэй Цин ответил:

— Прошу Ваше Величество разъяснить.

Лю Че проговорил:

— Вчера я был у тебя дома, и я был очень зол! Я и подумать не мог, что высокопоставленный сановник с жалованием в тысячу ши живет в такой нищете! Я не ожидал, что кто-то ради славы добродетельного и щедрого человека станет так пренебрегать достоинством императорского двора!

Вэй Цин поспешно опустился на колени:

— Я напуган, Ваше Величество!

Лю Че продолжил:

— Я торжественно напоминаю тебе о твоём статусе: ты не просто раб, который должен лишь смиренно кивать, ты — важный государственный деятель, которому я доверяю. Ты не домашний слуга, а опора двора. Твой долг — защищать мою безопасность. Перед кем угодно, кроме меня, ты можешь держать голову высоко. Я не против твоей доброты, но хочу, чтобы ты помнил: твое лицо — это и мое лицо. Роняешь свое достоинство — роняешь мое, роняешь честь всего императорского двора и всей правящей семьи.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — ответил Вэй Цин. Мысли правителя действительно отличались от его собственных. Он и вправду не думал об этом прежде: оказывается, чтобы занять свое место в жизни, недостаточно просто быть осторожным в словах и делах, ему еще предстоит многому научиться.

Спустя несколько дней, под вечер, к Вэй Цину подошел евнух:

— Господин Вэй, Император вызывает вас.

Гунсунь Ао нахмурился. После смерти Хань Яня по дворцу поползли слухи о Вэй Цине, и он, разумеется, был о них наслышан. Бессознательно он положил руку на эфес меча и встал перед Вэй Цинем. Тот потянул его за рукав, обернулся и улыбнулся:

— Брат Ао, ты слишком беспокоишься, всё не так, как ты думаешь.

Вэй Цин нагнулся, отвязал от голени короткий меч и вложил его в руки Гунсунь Ао:

— Прошу, побереги это у себя.

С этими словами он отправился вслед за евнухом. Гунсунь Ао, сжимая в руках меч, с тревогой смотрел ему вслед.

Войдя в зал, Вэй Цин поприветствовал монарха. Лю Че отбросил в сторону доклады и бросил:

— Меч.

Вэй Цин отстегнул свой парадный меч и передал его слуге, но Лю Че остался недоволен:

— И это всё?

Вэй Цин прекрасно понимал, к чему тот клонит. Когда служанка рассказывала, как Вэй Цин выхватил кинжал, чтобы отрезать рукав, она, конечно, упомянула, где он его прятал. Вэй Цин нагнулся, отвязал от другой голени кинжал и отдал слуге. Этот кинжал, хоть и был похож на предыдущий, был совсем другим — из обычного металла, который может выковать любой мастер.

— Это всё? — продолжал спрашивать Лю Че.

Вэй Цин не ответил, а лишь спросил:

— А что еще, по мнению Вашего Величества, должно быть?

Лю Че фыркнул, сошел с помоста, подошел к нему и приказал:

— Встань ровно, я буду тебя обыскивать.

Вэй Цин послушно встал и поднял руки. Лю Че начал ощупывать его, заставляя то поворачиваться, то разворачиваться, ощупал с ног до головы и обратно.

Дзынь — на пол полетела обойма метательных стрел; тук — тяжелая булава; с-с-с — в поясе был спрятан гибкий острый меч; бум — в подошвах скрыты шипы; бах — толстая дубинка...

Лю Че: «...» Вэй Цин вообще мог ходить, обвешанный этим добром?

Вэй Цин пояснил:

— Таков мой долг, я не смею проявлять небрежность.

Конечно, это была ложь — обычно он не таскал с собой столько лишнего груза.

Лю Че указал на гору вещей на полу, лицо его дернулось:

— Но не до такой же степени!

Вэй Цин улыбнулся:

— Хотя у меня было столько оружия, никто никогда не замечал его на мне. А теперь всё нашел Ваше Величество — от Вас поистине ничего не скроешь.

Лю Че замер, потом указал на него пальцем и расхохотался:

— Хорошо, хорошо, таскай, сколько хочешь. Сколько бы ты ни спрятал, я всё равно каждое найду.

Он потянул его за собой, усадил напротив себя за стол, взял несколько докладов и протянул Вэй Цину:

— Это военные донесения от военачальника Ли Гуана и военачальника Чэн Буши с границы. Хочу услышать твое мнение.

Вэй Цин протянул руки, чтобы взять документы, но краем глаза Лю Че заметил кого-то и обернулся:

— Ты чего вечно за мной ходишь, как призрак?! Убирайся вон!

Вэй Цин вздрогнул, поднял глаза и увидел в углу чиновника, который совершал поклон. Тот был уже в годах, с седыми волосами и бородой, в руках он держал кисти и свитки. Не поднимая головы, он начал пятиться назад и покинул зал.

Лю Че повернулся обратно, его лицо выражало крайнее отвращение:

— Терпеть не могу этих историографов, как мухи, всюду лезут. Возомнили, что, прочитав пару книжек, могут судить о чужих делах и поступках, мнят себя вершителями справедливости, будто они судьи в загробном царстве. Чего не видели своими глазами, о том расспрашивают в других местах, верят слухам и сплетням, а в итоге вечно путают одно с другим, не замечая, как принимают одного человека за другого, а потом с таким упоением записывают это в историю — просто смехотворно!

Вэй Цин молчал. Он знал, что Лю Че сейчас очень тяжело, и опасался, что в руках тех, кто считает перо острее ножа, образ Хань Яня будет искажен до неузнаваемости.

Чиновник, заложив руки за спину, медленно шел по коридору. Навстречу ему попался человек, который окликнул его:

— Господин Тайшилин!

Сыма Тань остановился и поклонился:

— Маркиз Пинъян.

Цао Сян с улыбкой отошел в сторону, и они не спеша пошли вместе. Семья Сыма из поколения в поколение занимала пост великого историографа, их предки еще со времен Чжоу служили при царском дворе, ведая летописями, звездами и гаданиями. С пером в руках они

пользовались уважением и во дворце, и при дворе, никто не смел пренебрегать ими.

Цао Сян заговорил:

— Господин великий историограф обладает обширными знаниями, сведущ в астрономии, И Цзине и учении Хуан-Лао, а особенно проницателен в оценке людей. Я давно хотел поучиться у вас.

Сыма Тань погладил бороду и с улыбкой ответил:

— Маркиз изволит шутить. Какое уж тут обучение, просто обменяемся мнениями.

Казалось, слова Цао Сяна пришлись ему по душе.

Цао Сян продолжил:

— В последнее время по дворцу ходят слухи, что Вэй Цин заменил Хань Яня. Как вы считаете, в сравнении с ним?

— Хань Янь был человеком амбициозным, стремился к высокому, но не обладал великим талантом, достойным его желаний. Что же до Вэй Цина... — Сыма Тань на мгновение задумался. — На данный момент он мягок, сдержан, и хотя занимает военную должность, в нем нет жестокости, напротив, он скорее напоминает ученого мужа. И он весьма искусен в том, чтобы угодить Императору. Грубо говоря, он льстец. Однако армией он управляет умело, не похож на бездарность. На мой взгляд, если он не великий мудрец, то великий злодей.

Цао Сян слушал и слегка кивал. О том, что Лю Цин пожаловал Вэй Цину поместье и рабов, он, конечно, знал. Ему было любопытно другое: каковы планы Лю Че на Вэй Цина? Наверное, скоро он спросит об этом самого Сыма Таня, и тот ответит то же самое.

И действительно, полгода спустя Цао Сян увидел, что Вэй Цин сидит на совещании, где Лю Че обсуждает государственные дела с сановниками, и принимает участие в дискуссии. Но больше его удивило другое: Вэй Цину пожаловали должность великого мудреца — Тайчжун Дафу!

Интересно... Цао Сян улыбнулся: ему очень хотелось увидеть, станет ли Вэй Цин одним из бесчисленных фаворитов, которых Лю Че выбросит на свалку истории, или станет вторым Хань Янем, а может, выберет свой собственный путь?

Длинный коридор, дрожащее пламя ламп. Юноша шел в тусклом свете.

Слуги простирались перед ним на полу, открывая перед ним двери одну за другой и закрывая их за его спиной.

Юноша опустился на колени перед Лю Че и дерзко посмотрел на него. Лю Че протянул руку, взял его за подбородок и принялся целовать в губы.

— ...Вансунь...

Хань Шо вздрогнул, но не осмелился показать виду и закрыл глаза, отвечая на ласки. Почему только из-за того, что он — младший брат Хань Яня, ему выпала роль быть заменой? Даже если сам он этого совсем не хотел.

После недолгих ласк Хань Шо прижался к груди Лю Че и, подумав, тихо прошептал:

— Ваше Величество, если бы я был женщиной, я бы родил Вам сына.

Лю Че замер и улыбнулся.

Ранее Вэй Цзыфу родила вторую дочь, но не смогла подарить наследника. Сказать, что Лю Че не был разочарован, значило бы солгать. Не только он, весь двор ждал рождения принца.

Лю Че выпрямился и оттолкнул Хань Шо:

— Рождение детей — дело женщин. Мужские мысли не должны быть заняты этим.

Он отвернулся к стене, накрылся одеялом и жестом велел Хань Шо уйти.

Хань Шо, с трудом поднявшись и приведя себя в порядок, молча покинул покои.

Глядя в спину Лю Че, он чувствовал, что не может найти слов. Как его брат завоевывал любовь Императора? Он не знал. Что говорил Хань Янь, чтобы тот любил его еще сильнее? Он не знал тем более...

<http://bllate.org/book/21150/2144302>